

УДК 321.013

А.М. Смий

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗВИВАЮЩИХСЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Вскрывается сущность проблемы формирования гражданского общества в переходных политических системах. Устанавливается, что существующие технологии конструирования гражданского общества основаны лишь на одной из трёх возможных конфигураций политического процесса. Предлагается метод контроля оптимальности соотношения государство/гражданское общество.

На современном этапе политического развития Украины более чем когда-либо ранее, становится очевидной важность эффективного взаимодействия народа и государства для достижения общих целей и приоритетов. Ни у кого не вызывает сомнения, что ведение такого диалога возможно лишь при наличии в стране развитой системы институтов гражданского общества. При этом существует граница между подкреплёнными ресурсно и организационно объёмами государственной власти и гражданских свобод. Нерушимость данной границы служит надёжным индикатором равновесного состояния политической системы. Однако когда гражданское общество лишь формируется, граница влияния государства простирается вплоть до национальных границ и диалог вырождается в монолог на тему Людовика XIV «Государство – это Я». Здесь-то и возникает следующая сложность. Даже при наличии доброй воли, власть предержащие не всегда имеют возможность предусмотреть все результаты своего влияния на демократический процесс. Поэтому укрепление институтов гражданского общества это не дань моде, а обязательное условие для снижения риска негативных последствий государственного регулирования. С другой стороны, вполне мыслима ситуация, когда стремление сформировать гражданское общество экстенсивным методом может привести к такому положению вещей, когда резкое ослабление государства сделает его вообще неспособным влиять на политический процесс. Следовательно, имеется насущная потребность в создании теории формирования гражданского общества при всех вариантах соотношения политической мощности государства и гражданского общества.

Публикации последних лет по указанной тематике можно разбить на три категории, которые условно назовём «пессимистической», «оптимистической» и «критической». В первую категорию входят, например, левые социал-консерваторы. Они считают, что гражданское общество хорошо на Западе и совершенно не подходит для развивающихся стран. Более того. С. Кара-Мурза обращает внимание на то, что даже само понятие «гра-

жданское общество» в отечественной литературе трактуется неверно. Вниманию общественности преподносится лишь финальная формула, в которой ничего не говорится о сущности социально-хирургических операций, проведенных в Европе в эпоху Реформации и о тех жертвах, которые ещё нужно принести современным постсоветским обществам на алтарь демократии. Эта формула была разработана ещё в XVII веке в трудах Т. Гоббса и Дж. Локка, давших представление о частной собственности как оси гражданского общества. Под влиянием буржуазных идей в сознании европейцев произошло отчуждение тела от личности и его превращение в частную собственность, что привело к появлению нигде, кроме Запада, не существующей антропологии.

С. Кара-Мурза пишет следующее. «Человек раздвоился. Одна его ипостась – собственник, а другая ипостась – собственник... Каждый индивид имеет теперь эту честную собственность – своё тело, и в этом смысле все индивиды равны. И раз теперь он собственник тела (а раньше его тело принадлежало частично семье, общине, народу), он может уступать его по контракту другому как рабочую силу. Но на этом равенство кончается, и люди западной цивилизации делятся на две принципиально разные категории – на пролетариев и собственников капитала. Те, кто признаёт частную собственность, но не имеет ничего, кроме тела, живут в состоянии, близком к природному (нецивилизованному); те, кто имеет капитал и приобретает по контракту рабочую силу, объединяются в гражданское общество – в Республику собственников. Сюда вход тем, кто не имеет капитала, воспрещён!» [1]. Таким образом, считает автор, гражданское общество основано на непрерывной конфронтации имущих с неимущими. А такое парное к «гражданскому обществу» понятие как «правовое государство» приложимо только к республике собственников; те же, кто не имеет ничего кроме самих себя, «не имеют представительства в демократии». Относительное классовое перемирие на современном Западе поддерживается лишь колоссальными объёмами ресурсов, извлекаемыми «цивилизованными» сообществами из стран «третьего мира», в том числе – Украины и России. С. Кара-Мурза не отрицает гражданское общество, как таковое, но считает, что на постсоветском пространстве его ускоренное формирование «сверху» приведёт лишь к невозможности государства осуществлять социальные программы и «сбросу» ответственности за общественное благополучие со стороны имущих экономических и политических страт.

Сказанное вовсе не означает, что гражданское общество однозначно плохо, а традиционное, солидарное общество – абсолютно хорошо. Эту точку зрения отстаивает, например, лидер СДПУ(о) В. Медведчук. Он признаёт, что гражданское общество на Западе сформировано в процессе исторического развития европейской цивилизации как независимая от государ-

ства форма самодеятельности граждан. По его мнению, гражданское общество есть «общество граждан», то есть лиц, наделенных широким кругом прав, которые они используют добровольно, активно и ответственно как индивидуально, так и коллективно. Украинский политик полагает, что сложности формирования гражданского общества в нашей стране коренятся не в самой либеральной модели развития, как считает С. Кара-Мурза, а в советском солидарном прошлом. Именно тогда был подорван спрос на деятельность гражданских организаций. Поэтому одной из ключевых задач политического класса должно стать содействие освобождению граждан от отживших стереотипов сильного государства, наделённого неограниченными полномочиями. Сильным, по мнению В. Медведчука, является государство, способное последовательно и неуклонно реализовать точно определённый круг функций, возложенный на него обществом. Любая властная функция должна быть уравновешена, и прежде всего – ответственностью за результат применения власти. Технологически для этого нужно создать баланс (равновесие) как в системе отношений между государством и обществом, так и внутри самого гражданского общества.

В. Медведчук описывает круг трудностей, с которыми будет постоянно сталкиваться процесс формирования гражданского общества. «Во-первых, общественные структуры подвержены опасности превратиться в институты обслуживания эгоистических, деструктивных индивидуальных или групповых интересов. Во-вторых, их всегда будет пытаться прибрать к рукам власть бюрократического аппарата... И, наконец, третья опасность: структуры гражданского общества могут быть либо слишком рыхлыми, неспособными принимать конструктивные решения (то, что обычно называют «базаром»), либо чересчур организованными, где отдельные члены ассоциаций не могут проявить свою самостоятельность» [2]. Вполне очевидно, что эти трудности могут быть преодолены лишь тогда, когда и власть и политический класс и гражданское общество Украины будут руководствоваться единой системой ценностей, духовно-нравственных ориентиров. Объединённые эсдеки уже выдвинули ряд конструктивных предложений по этой части. Они инициировали принятие парламентом демократического закона о языках, выдвинули идею «нового патриотизма», основанную на равноправии всех граждан, независимо от их этнического происхождения, языка, пола, религии и политических убеждений, активизировали усилия по возрождению украинских культурных традиций и прежде всего демократической составляющей национального идейного наследия. Они же привлекли внимание общественности к решающей роли в формировании украинской идентичности наследия деятелей гуманистических убеждений, к необходимости распространения в Украине «культуры солидарности», созданной мировой социал-демократией. «Мы поддержива-

ем идею формирования Всеукраинского общественного совета, который, в соответствии с Указом Президента от 11 апреля прошлого года, имел бы право контролировать деятельность высших государственных органов. Мы за идею создания общественного телевидения, которая, к сожалению, до сих пор не реализована. Мы за активизацию деятельности комиссии содействия развитию гражданского общества при Президенте, которая могла бы стать посредником между властью и общественными ассоциациями. Более того, мы готовы оказать реальную помощь при организации гражданских форумов (для начала в крупнейших городах Украины), связать их между собой через Интернет, готовы помочь с освещением их работы в СМИ, в том числе электронных» [2].

Если сравнить положения «пессимистов» и «оптимистов», то выяснится следующее. И те, и другие используют в качестве базовой одну и ту же давно устаревшую «локко-гоббсовскую» модель гражданского общества, не учитывая актуальное состояние политических систем. Поэтому первые переоценивают значение государства в паре «государство – гражданское общество», а вторые – его недооценивают. На это обращает внимание Т. Каротерс, заместитель начальника отдела мировой политики в Фонде Карнеги (Нью-Йорк) [3]. Этот автор считает, что содержание понятия «гражданское общество» подвержено переменам, происходящим вследствие изменений в политической, экономической и социальной ситуации. На протяжении двадцати пяти веков это происходило многократно. В античные времена государство и гражданское общество отождествлялись. В учениях Просвещения гражданское общество рассматривалось как совокупность свободных ассоциаций граждан, параллельная, но отдельная от традиционалистского государства-семьи. В XIX веке интерес к гражданскому обществу исчез, появившись вновь через сто лет. Теоретик-коммунист А. Грамши полагал гражданское общество «ядром независимой политической деятельности», направленной против диктатур правого буржуазного толка. В 70-е – 90-е годы XX века острое гражданское общества было обращено уже против левых диктатур, а в наши дни понимается как средство общественного обновления, особенно при слабом государстве. Так что гражданское общество, понимаемое абстрактно, есть «кот в мешке» и гражданам, как потребителям политического товара, необходимо внимательно разобраться в его сути, «чтобы избежать возможных разочарований».

Среди иллюзий, которые рассеивает Т. Каротерс, назовём следующие. Во-первых, имеет место устойчивая тенденция к подавлению возникающих неправительственных организаций внешними субъектами либо инвесторами (политическими партиями, национальной политической элитой, зарубежными политическими акторами). Во-вторых, гражданское общество во все не всегда представляет собой общественное благо. Это происходит из-

за того, что субъекты гражданского общества склонны не столько к учёту интересов общества как целого, сколько к удовлетворению частных интересов. Да и сами эти интересы зачастую реализуются мелочными, грязными, насильственными методами. В третьих, даже сильное гражданское общество может стать источником политических ошибок и слабостей. Такая опасность увеличивается, либо если политические институты слабы, либо если количество групп интересов растёт слишком быстрыми темпами. В-четвёртых, демократический общественный строй не обязательно является залогом сильного гражданского общества. Так, Япония, Франция и Испания являются стабильными демократиями при мощном государстве и слабых независимых гражданских ассоциациях. Аргумент США, что данный режим не является подлинно демократическим, если он не поддерживает американскую модель гражданского общества, не только не верен, но и опасен. Твёрдая вера в гражданское общество не должна становиться источником нетерпимости по отношению к различным видам демократических государств.

Т. Каротерс даёт несколько уроков, наиболее ценных для развивающихся систем. Политическое благополучие и экономический успех вовсе необязательно являются следствиями активности гражданского общества. Во многих случаях к успеху ведёт именно подавление гражданского общества, как это имело место в Южной Корее. Только в 1980-е годы, когда стало очевидно, что можно ослабить военный режим, гражданское общество получило возможность развития. Союзы, студенческие ассоциации, религиозные организации воспользовались этой возможностью и предприняли максимум усилий для демократизации. Эти группы дали толчок к становлению одной из самых быстроразвивающихся экономик за последние 50 лет. И напротив того, в Бангладеш гражданское общество имеет глубокие и разветвлённые корни, однако, эта страна и по сей день остаётся одной из беднейших в мире. Точно также обстоят дела в Латинской Америке. Таким образом, «дорога к экономическому успеху не обязательно проложена гражданским обществом: сильное гражданское общество может сосуществовать с относительно слабой экономикой, и наоборот. Более того, слишком развитое или искажённое гражданское общество может быть экономически опасно» [3].

Американский автор утверждает, что полная независимость неправительственных общественных организаций от государственных институтов является всего лишь лозунгом, под которым контрэлита ведёт борьбу с диктатурой. Однако в стабильных демократических системах элементы гражданского общества финансируются правительством. «В Западной Европе, например, широко распространена правительственная поддержка гражданского общества, в том числе и групп, которые бросают правительству вызов, например организации по защите окружающей среды, союзы борьбы за права человека. Даже в Соединённых Штатах, правительственное

финансирование гражданского общества сильно превосходит предполагаемые размеры» [3]. Следовательно, развитие гражданского общества вовсе не означает снижения направляющей роли государства.

Неправительственные организации могут быть значительно более эффективными в корректировке политической линии и экономического курса, если у государства есть для этого соответствующие полномочия и ресурсы. При этом активность институтов гражданского общества направлена не на ослабление, а на усиление возможностей государства. Разумеется, правительство должно относиться к импульсам «снизу» с должным вниманием (чего не бывает при диктаторском руководстве). Т. Каротерс приводит характерные примеры, в том числе из американской и восточно-европейской практики. Так, гражданская активность в области защиты окружающей среды натолкнула администрацию США на мысль создать государственные экологические отделения по выработке соответствующих законов, механизмов осуществления соответствующей политики. «Ничто не наносит большего вреда развитию гражданского общества, нежели слабое летаргическое государство. В Восточной Европе гражданское общество с 1989 года сделало большой шаг вперед в тех странах, где правительства доказали свою компетентность и способность к действию, например, в Польше и Венгрии, и по-прежнему отстает в развитии в странах с неэффективным, некомпетентным правительством, например, в Румынии и Болгарии. За исключением диктаторских режимов государство может играть ценную роль в развитии здорового гражданского общества. Это достигается путем установления ясных осуществимых правил игры для неправительственного сектора, создания налоговых стимулов для финансирования некоммерческих организаций, выработки стратегии взаимодействия с НПО. Гражданское общество может и должно бросать вызов, раздражать, и даже, время от времени, противостоять государству. Но гражданское общество и государство нуждаются друг в друге и, в идеальном варианте, они развиваются вместе, в тандеме, а не за счет друг друга» [3].

Из сказанного выше следует, что гражданское общество как целостность, а равно и его активность снизу, должны иметь достаточно жёсткие ограничения. Такие ограничения должны вводиться тогда, когда либо всё гражданское общество, либо какие-то его сегменты угрожают эффективности государственного управления. Здесь возможны следующие варианты. Т. Каротерс обращает внимание на то, что многие современные неправительственные организации (числом до 5000) основаны в одних странах (чаще на Западе), но регулярно осуществляют свою деятельность в других (как правило, переходных и развивающихся). «В этом смысле межнациональное гражданское общество является глобальным, но оно используется с целью распространения западного политического и экономическо-

го влияния, что порицается в других сферах общественной жизни» [3]. Но такое влияние, как показал С. Кара-Мурза, положительной экономической и политической динамике отнюдь не способствует. Кроме этого положение переходных систем может быть осложнено тем, что потенциал местных экстремистских организаций может быть многократно усилен из-за слияния последних с «союзниками-экстремистами в других часовых поясах».

Итак, современное гражданское общество, как на местном, так и на глобальном уровне развивается быстрыми темпами, несёт потенциал изменения мира по очень важным направлениям, но не следует недооценивать его силы или идеализировать его цели. И на местном и на глобальном уровне реалии гражданского общества не должны быть contradiction in terms, заключает функционер Фонда Карнеги.

Нам представляется очевидным, что проблема формирования гражданского общества изложена в самых авторитетных источниках достаточно полно. Однако имеются и такие её аспекты, которые нуждаются в дальнейшей проработке, а именно: с одной стороны, не подлежит сомнению, что активность неправительственных организаций, раскрепощая гражданскую активность, может содействовать политическому и экономическому прогрессу, с другой стороны, бесспорно и то, что такая активность может принять неприемлемые для всего социума формы. Однако надёжные индикаторы, позволяющие определить границу, где происходит перелом позитивного воздействия гражданских политических акторов на негативный, в настоящее время отсутствуют. Следует, конечно, согласиться с выводом украинского автора В. Безродной, что влияние гражданского общества в Украине должно усиливаться «за счёт сокращения бюрократических функций государства и расширение тех сфер общественной жизни, регулирование которых находилось бы в распоряжении добровольных массовых организаций». Можно согласиться и с тем, что «развитие гражданского общества в Украине требует решения комплекса задач для оптимизации механизма взаимодействия общества и государства, расширения социальной базы гражданского общества, преодоления гражданской пассивности и отчуждённости» [4]. Но до какого именно уровня расширять и преодолевать остаётся неясным.

Рекомендации подобного рода для развивающихся стран имеют общую особенность: практически все они дают совет укреплять гражданское общество именно за счёт ослабления государства. Как нам представляется, это происходит по следующим причинам. Во-первых, теория вторичного (незападного) политического развития основывается на так называемой алмондовской типологии политических режимов (тоталитарный, авторитарный и демократический). В соответствии с этой теорией политическое развитие должно проходить именно в указанной последовательности: от тоталитарного режима (где гражданское общество отсутствует) к демократиче-

скому (где оно доминирует). Но в том-то и дело, что приведенная типология недопустимо дискретна и не предполагает никаких промежуточных градаций, к которым как раз и относятся все реальные режимы. Поэтому случается так, что реально государство может уже находиться в демократическом секторе, в то время как теоретически оно всё ещё считается авторитарным или даже тоталитарным. Понятно, что дальнейшее ослабление государства в этом случае делает взаимодействие пары «государство – гражданское общество» совершенно неэффективным. Во-вторых, институты гражданского общества, осуществляющие интеллектуальную поддержку реформ в третьем мире (в этом единодушны и С. Кара-Мурза и В. Медведчук и Т. Каротерс), находятся под эгоистическим контролем США. И, наконец, в-третьих, в построении теории формирования гражданского общества наблюдается совершенно неоправданное преобладание правового и институционального подходов в ущерб онтологическому. Вследствие этого критерием эффективности реформ считают соответствие властных институтов образцовой (западной) инфраструктуре демократии и совершенно не берут в расчёт структуры политической власти и гражданской свободы. А в эти структуры как раз и входит компонент, определяющий политическую динамику – национальные ресурсы, без которых и государство и гражданское общество являются только виртуальными объектами.

Следовательно, для выработки научно-обоснованной программы построения гражданского общества необходима теоретическая модель, которая отвечала бы следующим требованиям. Она должна: во-первых, быть свободной от идеологических симпатий и антипатий; во-вторых, позволять одновременно контролировать как институты государства, так и гражданского общества; в-третьих, иметь минимальное число контролируемых параметров; в-четвёртых, иметь минимальное количество разрывов; в-пятых, давать возможность отслеживать соотношение государство/гражданское общество, как в статике, так и в динамике. И такая модель, воспроизводящая диалектическое единство государства и гражданского общества, имеется.

Речь идёт о модели Е. Седова [5], в основе которой лежит следующий принцип. В максимально обобщенном виде любая социальная система может быть охарактеризована соотношением детерминизм/энтропия. Под действием ряда внешних и внутренних факторов система перемещается от состояния беспорядка (наибольшей энтропии) к состоянию жёсткой упорядоченности. Стабильность социальной системы максимальна при соотношении детерминизм/энтропия равном 4 к 1. Это соотношение позволяет системе перейти на новый цикл развития без угрозы саморазрушения. В терминах политики детерминизм есть государственное управление (в предельной степени – тоталитарный политический режим), а энтропия – политическая свобода (вплоть до анархии).

Государство является таким же институтом гражданского общества, как и всякий другой. Разница заключается лишь в том, что национальное государство представляет интересы не какой-либо частной группы, а всего общества как целостности. В момент, непосредственно предшествующий образованию государства, на его территории существует неупорядоченная совокупность групп интересов. В соответствии с договорной теорией образования государства, указанные группы отчуждают в пользу государства известную часть своих полномочий, которая в силу действия законов коммунальности имеет тенденцию к росту. Этот пункт в описываемой модели развития политической системы является исходным. Тенденция роста государственного влияния может продолжаться до тех пор, пока государство не станет защищать только собственные интересы, становясь совершенно нелегитимным. Момент полной утраты легитимности является конечной точкой модели.

При данном понимании государственная власть и влияние гражданского общества (детерминизм и свобода) имеют однотипную структуру, куда, как известно, входят система политического господства и ресурсы властвования. Таким образом, одна только формально-юридическая институализация гражданских институтов не может их превратить в реальные субъекты политического процесса. Нужны ещё и ресурсы (материальные и нематериальные). Точно также обстоит дело и с государством: можно выстроить какую угодно властную вертикаль, однако сама по себе она эффективной не будет. Следовательно, мы можем получить точный индикатор соотношения государство/гражданское общество – отношение объёмов контролируемых и неконтролируемых государством национальных ресурсов. Точечное состояние системы по данному показателю относительно трёх пунктов – начала и конца цикла существования политической системы, а также оптимума, даёт основания для принятия взвешенных политических решений. Эти рассуждения привели к появлению схемы системного контроля хода политического развития [6]. Они же применимы и к разрешению проблемы стратегии формирования гражданского общества.

Рассмотрим рисунок 2 из статьи Е. Седова [7]. На нем политическое развитие общества представлено витком спирали между исходным пунктом (И) и конечным пунктом (К). Символом (Х) обозначена точка оптимума. В этой точке соотношение контролируемых государством и гражданских обществом ресурсов таково, что политическая система способна к самовоспроизводству (например, при посредстве двухпартийной системы). Именно в окрестностях точки оптимума находятся западные социумы с сильным государством и зрелым гражданским обществом. Между точками (И) и (Х) располагаются системы со слабым государством. Гражданское общество здесь существует, однако его социальная база предельно ограничена узким кругом так называемых олигархов; причём соответствующие группы ин-

тересов вполне могут быть сильнее формального государства. При этом существуют параллельные неявные центры власти, а государство лишь придаёт решениям таких центров видимость законности. Напротив, положение системы между пунктами (X) и (K) означает, что гражданское общество государством подавлено.

Нахождение политической системы в окрестностях точки оптимума отнюдь не означает, что государство полностью владеет 80% национальных ресурсов. В странах, где ещё достаточно сильна протестантская трудовая этика, этот процент может быть существенно меньше. При этом государство должно иметь лишь принципиальную возможность преодолеть групповой эгоизм, если он угрожает целостности общества. Однако для западных социумов опасен и «внешний» эгоизм. Дело в том, что для устойчивого существования этих систем требуется постоянный приток ресурсов извне. А это требует существования так называемой внешней периферии, то есть территорий – источников, доноров. А эти территории сейчас уже не являются бесхозными, их стараются контролировать национальные государства. Отсюда ясно, что западные державы и развивающиеся страны существуют в условиях постоянного конфликта. Активную роль здесь играет как само государство (дипломатический нажим, экономические санкции, применение военной силы), так и западные неправительственные организации (идеологические, информационные, культурные, религиозные, финансовые). Этот конфликт может принимать для последних как деструктивные, так и конструктивные формы.

Конфликт деструктивен в том случае, когда система, находящаяся между точками (И) и (X), становится западной периферией. Е. Седов писал, что тут возникает проблема, обусловленная необходимостью энергетической платы за каждую вновь установленную межэлементную связь. Накопление ресурсов в одной (западной) системе в этом случае имеет два следствия: рост упорядоченности (уменьшение степени демократичности) самих западных стран и рост дезорганизации на периферии, что мы сегодня и наблюдаем на практике. Таким образом, указанные развивающиеся системы обречены на консервацию своего нынешнего состояния, то есть неоптимального соотношения государство/гражданское общество. В эту категорию попали почти все постсоветские страны (кроме Белоруссии и Туркмении).

Однако опыт КНР, СРВ и некоторых других стран показал, что существует и другая возможность, если использовать западный потенциал иначе. «В КНР, СРВ, Японии, Южной Корее в основе политических систем лежит так называемая «полуторапартийная» система господства, основанная либо на авторитарной компартии, либо на широкой коалиции «ответственных за судьбу страны» политических сил. При этом оптимальное положение КНР и СРВ является более устойчивым, поскольку дезинтегрирующее «ввод-ребование» Запада распространяется не на всю территорию, а на жёстко лимити-

рованные буферные зоны (поддерживается диада Дэн Сяопина: «одна страна – две экономические (а с 1997 года для КНР и политические) системы») [8]. При этом осуществляется медленный рост и социализация граждан и институтов гражданского общества. Сегодня легально существуют и имеют возможность участвовать в политическом процессе кроме КПК ещё 8 политических партий, хотя суммарная политическая мощь некоммунистических структур намного уступает мощи доминирующей партии.

Подведём итоги. Гражданское общество, несомненно, служит мощным ресурсом политической модернизации в современном мире. Однако критерием социального прогресса является не наличие неправительственных организаций, как таковых, а оптимальность соотношения политической мощи институтов государства и гражданского общества. Если сила государства (ресурсная и организационная) меньше оптимальной, то первоочередной задачей является укрепление не гражданских организаций, а самого государства. И напротив, чрезмерная державная мощь должна уменьшаться в пользу формирующихся демократических гражданских организаций. При этом, разумеется, необходима разумная внешнеполитическая линия. Здесь открывается перспектива продолжения исследований по оптимизации соотношения политических сил государства и гражданского общества.

Библиографический список

1. Кара-Мурза С. Приманка гражданского общества / С. Кара-Мурза // Правда. — 1994. — № 155 (27330). — 26 августа.
2. Медведчук В. О перспективах развития гражданского общества в Украине / В. Медведчук // Зеркало недели. — 2002. — № 4 (379). — 2–8 февраля.
3. <http://www.iciso.org>. Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество / Т. Каротерс. — С. 1.
4. Безродна В. Особливості формування громадянського суспільства в процесі політичної модернізації України: Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.02 / В. Безродна; Одеська нац. юрид. академія. — Одеса, 2003. — С. 3–4.
5. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 92–100.
6. Тихоміров С. Досвід пострадянського політичного розвитку: аналіз і синтез: Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.02 / С. Тихоміров; Одеська нац. юрид. академія. — Одеса, 2000. — С. 6–7.
7. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 95.
8. Тихоміров С. Досвід пострадянського політичного розвитку: аналіз і синтез: Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.02 / С. Тихоміров; Одеська нац. юрид. академія. — Одеса, 2000. — С. 8.

Поступила в редакцию 1303.2003 г.